

Введение

Наше исследование посвящено языковой личности (ЯЛ) составителя “Повести временных лет”.

На сегодняшний день существует огромное количество работ, посвященных “Повести временных лет” (ПВЛ), однако с точки зрения объекта исследования не наблюдается ожидаемого разнообразия, наоборот, не составляет труда разделить имеющиеся работы на две группы: 1) исследования, в которых ПВЛ представляется как целостный текст; 2) работы, привлекающие материал разночтений и акцентирующие внимание на вариативности текста памятника.

В первом случае внимание сосредоточивается на внутреннем устройстве ПВЛ, и исследователи, опуская многочисленные разночтения, рассматривают текст как некую данность. Как правило, в таких исследованиях под ПВЛ понимается либо адаптационный перевод-реконструкция Д.С. Лихачева (Повесть временных лет 1997) [Творогов 1984, с. 6], либо текст древнейшего списка “Повести временных лет” – Лаврентьевской летописи, контаминируемый, при необходимости, с чтениями Ипатьевской летописи [Лихачев 2001, с. 459]. Большинство лингвистических исследований примыкает к первой группе [Волошина 1985; Ларин 1975; Львов 1975; Мальцева 1999; Табаченко 1987; Толстой 1993 и мн. др.], что объясняется интересом языковедов к памятнику как к источнику по истории русского литературного языка древнейшей поры [Творогов 1984, с. 8]. Тот факт, что язык памятника письменности осложнен как напластованиями более поздних эпох, так и реликтами источников, исследователями игнорируется.

Для второй группы работ, напротив, характерно пристальное внимание к разночтениям списков ПВЛ. Это прежде всего труды по текстологической атрибуции и работы, использующие текстологическую методику. Как правило, текстологический анализ заключается во внешней критике текста [Лурье 1985], а к его внутреннему устройству исследователи обращаются в

том случае, когда соотношение списков не показательно. Такие построения, будучи фрагментарными, всегда предположительны и субъективны: [Кузьмин 1977; Насонов 1962; Приселков 1996 и др].

Ограничение объекта исследования как в первом, так и во втором случаях неизбежно искажает облик произведения, его историческую судьбу. Так, в первом случае история ПВЛ упрощается, вместо многослойного текста исследователями анализируется либо “основной” список (результат исторического развития текста), либо предположительная модель-перевод; во втором случае, наоборот, – усложняется: исходная посылка о сводном характере русского летописания приводит к выводу о “перекрестном влиянии” редакций ПВЛ, которые лишь частично разделяются при обращении к культурно-историческому и социально-политическому контекстам летописи – сферам догадок и предположений.

Мы полагаем, что задача совмещения внутренней и внешней критики текста ПВЛ может быть решена в исследовании ЯЛ составителя ПВЛ в рамках лингвотекстологического метода исследования с учетом методики изучения русской языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым [Караулов 1987].

В настоящее время обнаруживается интерес к ЯЛ как к динамическому, развивающемуся феномену. Предпосылки данного аспекта исследования ЯЛ были обозначены Ю.Н. Карауловым, предложившим понятие общерусского языкового типа.

Одним из способов моделирования ЯЛ в развитии является изучение текстов, созданных ЯЛ различных исторических эпох. Несмотря на актуальность исследования исторических языковых личностей (ЯЛ значительно отдаленных во времени от исследователя) по текстам, подобные работы все еще единичны. Так, в рамках лингводидактического направления¹ предприняты исследования ЯЛ Петра Великого на материале эпистолярия [Гайнуллина 2001], ЯЛ Ивана Грозного на материале деловых посланий

¹ Подробнее о направлениях в изучении ЯЛ см. ниже (в параграфе 1.1.)

[Попова 2004]. Проблемным для описания исторической языковой личности (ИЯЛ) с позиций лингводидактики остается выявление своеобразного инварианта текста отдаленной эпохи, относительно которого произведения изучаемой ЯЛ могут быть рассмотрены как его вариации, отражающие специфику ЯЛ.

В русле лингвокультурологического направления изучение ИЯЛ осуществляется на материале текстов, созданных одним человеком [Бондарчук, Кузнецова 1997; Михайлова 1997], различными людьми [Михайлова, Михайлов 1999-а; Михайлова, Михайлов 1999-б; Михайлова, Михайлов 1999-в], [Киселева 2000] и на материале словарей [Вендина 2002; Михайлов 1997]. Однако изучение ПВЛ при помощи лингвокультурологических методик не представляется возможным по причине фрагментарности дошедшего до нас письменного наследия, синхронного ПВЛ, и литературной обособленности этого памятника письменности от известных произведений XII в., что в совокупности не позволяет исследовать ПВЛ как летописную вариацию культурного “фоторобота” домонгольской Руси.

На сегодняшний день продолжается поиск методов исследования ИЯЛ. Так, Л.И. Шелеповой предложена реконструкция ЯЛ книжников на основе лексических замен (ЛЗ) в текстах, сохранившихся во многих списках [Шелепова 2001], В.А. Рогожиной – при помощи анализа языковых средств реализации интенций летописца [Рогожина 2003]. Однако комплекс проблем, связанный с описанием ИЯЛ и тем более ЯЛ составителя ПВЛ – памятника, значительно отдаленного по времени от исследователя, сложного текстологически, до сих пор не решен.

Таким образом, **актуальность** диссертационной работы определяется как логикой изучения ПВЛ (обозначившейся необходимостью совмещения внешней (текстологической) и внутренней (содержательной) критики текста ПВЛ), так и общей направленностью лингвистической науки на

исследование человеческого фактора в языке, освоением антропологической парадигмы различными областями языкознания, в том числе историей языка.

Объект исследования – восемь летописей XIV – XV вв.: Лаврентьевская летопись (список 1377г.) (ЛЛ); Ипатьевская летопись (XVв.) (ИЛ); Радзивилловская (XVв.) (РЛ) и Московская-Академическая (XVв.) (АЛ) летописи; списки Карамзина и Оболенского Софийской 1 летописи старшей редакции (к. XVв.) (С1Л); а также Комиссионный (сер. XVв.) и Академический (40-е гг. XVв.) списки Новгородской 1 летописи младшего извода (Н1Л).

Предметом исследования является ЯЛ составителя ПВЛ в контексте развития книжно-письменной традиции русского летописания.

Материалом исследования служат избранные тексты памятника письменности: “Призвание варяжских князей в 862 (6370) г.”, “Захват Киева князем Олегом в 882 (6390) г.”, “Поход князя Олега на Царьград в 907 (6415) г.”, “Поход Аскольда и Дира на Греки в 866 (6374) г.”, “Поход князя Игоря на Византию в 944 (6449) г.”, “Мирный договор князя Игоря 945 (6453) г.”, “Осада печенегами Белгорода в 997 (6505) г.”, “Крещение княгини Ольги в 955 (6463) г.”

Цель исследования – выявить в ходе сопоставления различных этапов развития книжно-письменной традиции летописания особенности, характеризующие ЯЛ составителя ПВЛ.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Разработать методику и алгоритм описания ЯЛ составителя ПВЛ в контексте книжно-письменной традиции летописания.

2. В соответствии с требованиями лингвистической текстологии стратифицировать текст ПВЛ и определить место используемых летописей XIV – XV вв. в генеалогической схеме летописания с опорой на работы текстологов; выявить особенности ПВЛ как литературного произведения русского средневековья; охарактеризовать язык летописей, содержащих ПВЛ.

3. На основе сопоставления избранных сообщений в летописях, восходящих к книжно-письменной традиции (групповой ЯЛ летописцев-соавторов) ПВЛ, и летописях, сохранивших предшествующую ПВЛ летописную традицию (а также в реконструируемых источниках летописных сообщений), определить особенности, характеризующие деятельность составителя ПВЛ.

4. С помощью исследования ЛЗ в летописях XIV – XV вв. определить сохранность письменного наследия ЯЛ составителя ПВЛ – компонента книжно-письменной традиции, вариативно передаваемого данными летописными сводами. Типизировать выявленные ЛЗ как приметы исторического развития книжно-письменной традиции, восходящей к ПВЛ, в соответствии с уровнями организации ЯЛ (ЛЗ лексикона, тезауруса, прагматикона).

Методы исследования. В работе используются лингвотекстологический, сравнительно-исторический, сравнительно-текстологический методы, метод статистических подсчетов (частотный анализ осуществляется при помощи компьютерных программ Word Tabulator v2.2.1. [Word Tabulator 1999 – 2002] и TextAnalyst 2.01 [TextAnalyst 1997 – 1999]), методика исследования ЯЛ и приемы моделирования повествовательного архетипа (свертывание текста на основе перефразирования).

В качестве **лексикографической базы и справочного материала** используются Словарь русского языка XI – XVII вв. (СлРЯ XI – XVII вв.), Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) (СлДЯ XI – XIV вв.), Словарь древнерусского языка И.И. Срезневского (Срезневский), Частотный словарь и словоуказатель О.В. Творогова [Творогов 1984], реконструкции текста ПВЛ А.А. Шахматова [Шахматов 1916], [Шахматов 2001], Д.С. Лихачева, Д. Островского [Ostrowski 2003], текстологические комментарии О.В. Творогова [Творогов 1976], а также электронные базы текстов Святого Писания: Славянская Библия 1.0. [Славянская Библия 2003] и Цитата из Библии 5.0. [Цитата из Библии 2003].

Научная новизна обусловлена тем, что впервые производится моделирование ЯЛ составителя ПВЛ в рамках лингводидактического направления изучения ЯЛ, моделирование осуществляется на фоне как предшествующей летописному своду, так и последующей книжно-письменной традиции летописания; разработана методика исследования ЯЛ составителя ПВЛ с учетом текстологического соотношения летописей, а также стратификации ПВЛ; на материале ЛЗ в списках летописных сводов XIV – XV вв. впервые описаны и типизированы тенденции развития летописной традиции в соответствии с тремя уровнями организации ЯЛ (лексикон, тезаурус и прагматикон).

Теоретическая значимость исследования. Результаты диссертации значимы для изучения ЯЛ в историческом аспекте. В работе предлагается при изучении ИЯЛ использовать в качестве инварианта, относительно которого возможно показать специфику ЯЛ составителя ПВЛ, понятие книжно-письменной традиции летописания. При моделировании тезауруса ЯЛ в диссертации применяется понятие тезаурусной стратегии, образуемой совмещением повествовательного архетипа (сюжетной схемы) летописного рассказа и частотных, повторяющихся лексем, что позволяет показать индивидуальное, присущее только данной ЯЛ наполнение традиционной сюжетной схемы. Использование понятия тезаурусной стратегии дает возможность охарактеризовать частотные лексические доминанты без отрыва от повествования.

Практическая значимость исследования. Выводы и материалы работы могут быть использованы в спецкурсах по истории русского литературного языка, лингвотекстологии и лингвокультурологии, а предложенный в исследовании путь анализа – при изучении ИЯЛ.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены на четвертой краевой молодежной научно-практической конференции “Молодежь в XXI веке” (г. Рубцовск Алтайского края, 2002); Всероссийской научно-практической конференции “Естественная

письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты” (г. Барнаул, 2003 г.); Всероссийской конференции, посвященной 70-летию Барнаульского государственного педагогического университета “Филология: XXI в. (теория и методика преподавания) (г. Барнаул, 2003 г.); Международной научной конференции “Славянская филология: история и современность” (г. Барнаул, 2004 г.), на заседаниях аспирантского семинара кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета (2003, 2004 гг.). Диссертация обсуждена на кафедре общего и исторического языкознания (2004 г.). Основные результаты исследования отражены в 4 опубликованных работах общим объемом 1,25 п. л., 2 статьи сданы в печать.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследование ЯЛ составителя ПВЛ должно производиться с учетом устойчивой во времени книжно-письменной традиции.

2. ЯЛ составителя ПВЛ была переработана предшествующая летописная книжно-письменная традиция, что проявляется в организации летописных статей ПВЛ по единой тезаурусной стратегии, их прагматическом устройстве.

3. Выявленные в исследованных летописных статьях ЛЗ свидетельствуют о сохранении в летописных сводах черт, характеризующих литературную деятельность ЯЛ составителя ПВЛ в рамках следования книжно-письменной традиции летописания (групповой ЯЛ летописцев-сводчиков).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных сокращений, списка литературы и источников, двух приложений. В первой главе исследование ЯЛ составителя ПВЛ вписывается в контекст изучения ИЯЛ; в соответствии с текстологическими, литературными и языковыми особенностями памятника письменности предлагается путь исследования ЯЛ составителя ПВЛ в контексте развития книжно-письменной традиции летописания; на основе обзора ряда работ рассматриваются литературные (традиционность,

литературный этикет, церемониальность и пр.) и языковые (употребление определенных языковых единиц как признаков книжности) проявления книжно-письменной традиции, раскрывается природа данного явления (механизм ориентации на образцы); согласно принципу комплексности лингвотекстологического анализа определяется культурно-исторический контекст ПВЛ, идейная основа, смысловая организация и характер языка этого летописного свода. Во второй главе осуществляется анализ избранных летописных известий по восьми летописям XIV – XV вв. В ходе сопоставления книжно-письменной традиции, восходящей к ПВЛ, и традиции источников этого летописного свода (по избранным погодным статьям) обозначаются инновации, характеризующие деятельность составителя ПВЛ на фоне развития летописной традиции. На материале ЛЗ летописных известий по возможности определяется сохранность письменного наследия ЯЛ составителя ПВЛ, а также рассматриваются трансформации ЯЛ составителя ПВЛ как элемента групповой ЯЛ летописцев (устойчивой во времени книжно-письменной традиции летописания) в летописях XIV – XV вв.